

Проведя целый день в развлечениях и вернувшись в гостевой дом, Вэй Чуцзюнь, затаив обиду, рано лег спать.

А вот у Цзян Ци, как всегда, полно странностей: глубокой ночью он не спит, торчит на маленьком балкончике, ловит холодный ветер, да еще и в одной майке. Не обращает никакого внимания на резкие перепады ночных и дневных температур.

Обняв телефон, он так и уснул в кресле-качалке на балконе.

Наверное, почувствовал, что из-за своей вспыльчивости довел человека до гнева, а теперь не может пересилить себя и извиниться, вот и решил, что лучше пока остыть.

Цзян Ци сейчас искренне жалел о случившемся.

Вэй Чуцзюнь же был совсем иным. Впервые он позволил себе так резко ответить человеку, и, чего уж скрывать, ощущения были просто потрясающие. На душе давно не было так легко.

На следующее утро Вэй Чуцзюнь проснулся рано, пребывая в отличном настроении.

Окинув взглядом комнату, он не обнаружил Цзян Ци. Вышел на балкон — пусто. Неужели испарился, как дым?

Бам!

Дверь в ванную была плотно закрыта, но изнутри донесся глухой, отчетливый звук удара о стену.

Вэй Чуцзюнь поспешил на шум, но ручка двери не поддавалась. Он начал яростно колотить в дверь: Цзян Ци, Цзян Ци, ты там? Ответь!

После долгих призывов из-за двери донесся хриплый, приглушенный голос с сильным носовым оттенком: Все нормально, я просто переодеваюсь.

В этих словах было столько лжи, что из нее можно было бы составить не один океан.

Что с тобой? Я слышал, как ты ударился о стену. Ты что, решил с собой покончить? — Вэй Чуцзюнь, чье воображение разыгралось, решил, что Цзян Ци охватило чувство вины за вчерашнее, и он в отчаянии начал биться головой о стену.

Нет.

Вэй Чуцзюнь, упорствуя в своем мнении и движимый желанием спасти человека, продолжал увещевать: Не говори, что нет! Ты ведь ужасно винишь себя, верно? Цзян Ци, не совершай глупостей, я правда не злюсь! Быстрее открывай дверь!

Подожди, я сейчас... — Перед умывальником Цзян Ци потряс тяжелой головой, схватил первое попавшееся полотенце, накинул на голову, кое-как вытер волосы и, шатаясь, поплелся открывать.

Снаружи Вэй Чуцзюнь, услышав, что внутри внезапно стихло, решил, что случилась беда, и с размаху ударил ногой в дверь.

В ту же секунду дверь распахнулась, и Вэй Чуцзюнь, не успев затормозить, сбил Цзян Ци с ног.

На несколько секунд воцарилась тишина. Когда Цзян Ци, лежа на полу и чувствуя, как содрогаются все внутренние органы, наконец пришел в себя, он едва не задохнулся и принялся отчаянно кашлять.

Вэй Чуцзюнь, внезапно осознав, что натворил, поспешно вытянул его из ванной, не в силах скрыть испуг на лице.

Только когда его спина коснулась чего-то твердого и он смог расслабиться, Цзян Ци, глядя на Вэй Чуцзюня мертвенно-бледным взглядом, прохрипел: Черт возьми... я только что видел мост Найхэ.

Теперь ситуация перевернулась, и уже Вэй Чуцзюнь чувствовал себя настолько виноватым, что не знал, куда деться от стыда, безостановочно извиняясь перед Цзян Ци.

Цзян Ци, выглядевший как тяжелобольной, слабо махнул рукой, показывая, что ему не нужны извинения.

Он еще поживет.

Вэй Чуцзюнь замолчал. Цзян Ци же, остекленевшими глазами уставившись в потолок, что-то беззвучно бормотал, словно совершая какой-то таинственный обряд.

Ты правда в порядке? — осторожно поинтересовался Вэй Чуцзюнь.

Цзян Ци продолжал заниматься самовнушением: Это неправда, это неправда... Вэй Чуцзюнь выглядит таким хрупким, как он мог сбить с ног такого здоровяка, как я? Должно быть, мне снится кошмар. Но почему тогда так болит в груди? Я правда сплю?

Цзян... Цзян Ци? — позвал Вэй Чуцзюнь. — Ты меня слышишь?

Цзян Ци уже утонул в лабиринте собственных мыслей, полностью отрешившись от реальности. Веки стали неподъемными, голова кружилась так, будто принадлежала не ему.

В ушах звучал приглушенный голос Вэй Чуцзюня — то громче, то тише, — но смысл слов ускользал. Сознание начало меркнуть.

Вэй Чуцзюнь с ужасом наблюдал, как Цзян Ци закрыл глаза. Решив, что тот испустил дух, он тут же начал изо всех сил давить ему на точку над верхней губой, крича: Не умирай!

Цзян Ци был в полном недоумении.

Братан, я просто решил вздремнуть, я еще не помер, — Цзян Ци открыл глаза, словно перед смертью, и уставился на склонившегося над ним Вэй Чуцзюня. Голос звучал ужасно сухо, будто в горле застрял комок огня, который не давал ни вдохнуть, ни выдохнуть, обжигая связки.

Что... что с тобой?

Ничего, просто голова кружится. Одолжишь кровать на пару минут? Не жадничай! — пробормотал Цзян Ци и снова провалился в забытие.

Вэй Чуцзюнь, полный сомнений, осторожно коснулся лба Цзян Ци кончиками пальцев, поддержал их там секунду и медленно убрал.

Не говоря ни слова, он схватил куртку, в кармане которой лежали деньги, поднялся и вышел.

Просто ушел, не оставив ни слова.

Когда два часа спустя Цзян Ци пришел в себя, голова все еще казалась чугунной, нос заложен, дышать было тяжело. Он оглядел комнату.

Эй, а где Вэй Чуцзюнь?

Вэй Чуцзюнь? Вэй Чуцзюнь? — Цзян Ци прохрипел несколько раз, но никто не ответил.

Он с трудом сполз с кровати и, шатаясь, обыскал весь номер, но Вэй Чуцзюня нигде не было.

Спустившись вниз, он спросил хозяина гостевого дома, но тот лишь ответил, что гость ушел, а куда — не сказал.

Вернувшись в номер, Цзян Ци повалился на кровать, на ощупь достал телефон и с мутной

головой набрал номер Вэй Чуцзюня.

В ответ по комнате разлилась трель вызова. Цзян Ци посмотрел на стол и увидел сумку Вэй Чуцзюня.

Он бессильно сбросил звонок. Хотя голова и кружилась, но одна мысль о том, что Вэй Чуцзюнь ушел даже без сумки, вызвала острое беспокойство.

Преодолевая дурноту, он подошел к сумке. Хотел просто заглянуть в телефон, но рука дрогнула, и сумка упала на пол, вывалив содержимое.

Цзян Ци взглянул на рассыпанные вещи и почувствовал, как к горлу подкатил ком. Почему из-за какой-то лихорадки я стал таким неуклюжим? Я что, идиот?

Выругав себя в душе, он начал собирать вещи обратно.

Вещей оказалось неожиданно много и все они были какими-то странными: брелок в виде желтой мыши, ключи, кусачки для ногтей, фотографии... это еще понятно. Но почему здесь резинки для волос, степлер, блокнот и целая коробка лекарств?

Что это вообще такое?

Цзян Ци бегло взглянул на упаковку: что-то на «тин», для лечения депрессии, тревожных расстройств и так далее.

Увидев такие чувствительные формулировки, Цзян Ци наконец окончательно пришел в себя.

Гидрохлорид пароксетина?!

Тревога в груди усилилась. Цзян Ци запихнул лекарства обратно, поднял блокнот и открыл последние страницы.

Записи Вэй Чуцзюня:

...

Другие стараются жить, а я стараюсь выживать. — Запись от 1 июня.

Я хочу умереть. — Запись от 10 июня.

Мир так прекрасен, я тоже хочу жить. — Запись от 7 июля.

Дальше ничего не было. Последняя запись была сделана уже здесь. Что произошло седьмого

июля?

Цзян Ци чувствовал, как его мозг цепенеет, он ничего не мог вспомнить. Неужели он снова ненароком обидел его?

Стоит признать, когда мать Цзян говорила ему, что у Вэй Чуцзюня не все в порядке с ментальным здоровьем, он не придавал этому значения, считая, что люди просто любят нагнетать.

Но он забыл, что его мать — профессор психологии с мировым именем.

На лице Цзян Ци отразилось досадное разочарование. Он потер переносицу, зажмурился, глубоко вздохнул, положил блокнот в сумку и поставил её на место.

Простояв в раздумьях минут пять, он резко вскочил, сбил ногой стул у стола, и от нахлынувшего приступа головокружения едва не рухнул, успев в последний момент ухватиться за стол.

Цзян Ци закрыл глаза, подавляя вспышку ярости, и сделал несколько глубоких вдохов, чтобы вернуть ясность ума.

Он поспешил к выходу, но внизу его перехватил хозяин гостевого дома.

Глаза Цзян Ци налились кровью, в них читалась угроза. Почему ты меня держишь?

Хозяин: Парень, куда ты бежишь?

Где он? Куда он делся?

Хозяин недоуменно: Кто?

Вэй Чуцзюнь! Куда он ушел?! С ним что-то случится, обязательно случится! — Цзян Ци, чьи глаза были красными от отчаяния, прорычал это сквозь зубы.

Он вернулся, вернулся! — Хозяину было не до смеха: он всего лишь содержал гостевой дом, за что ему такое наказание? Этот тип точно станет первым в его черном списке до конца жизни.

Когда Вэй Чуцзюнь вошел в дверь с лекарствами, он застал картину: хозяин в отчаянии обхватил Цзян Ци за пояс, а тот был на грани безумия.

Как только Цзян Ци увидел Вэй Чуцзюня, он, словно зверь, вырвался из захвата и бросился к

нему, крепко сжимая в объятиях.

Ты не ушел.

Эти объятия были настолько неожиданными, настолько чужими и в то же время такими долгожданными, что Вэй Чуцзюнь на мгновение перестал соображать. Он видел лишь дрожащего, переполненного горем Цзян Ци.

С тех пор как умерла мать, никто не обнимал его так. Никто.

Цзян Ци был первым.

Как хорошо, что ты не ушел, — голос Цзян Ци дрогнул от слёз радости, словно он вновь обрел что-то потерянное.

Вэй Чуцзюнь никогда не считал себя важным человеком, пока не встретил его.

Я... я просто ходил за лекарствами, — Вэй Чуцзюнь с трудом сглотнул, стараясь говорить как можно спокойнее.

Ты, кажется, заболел, я правда ходил за лекарствами.

Никто не ответил.

Цзян Ци? Цзян Ци? Ты слышишь? Ты... — Вэй Чуцзюнь на секунду вышел из состояния сентиментальности и внезапно почувствовал, что что-то не так.

Кажется, он... уснул.

Вэй Чуцзюнь пару секунд смотрел в пустоту, а затем глупо усмехнулся: Вот ведь болван, заставил меня столько чувств потратить.

Хозяин лишь оцепенел: получается, они оба не в себе?

Может, у моего гостевого дома плохая аура? Почему здесь одни психи?

В конце концов, Вэй Чуцзюню и хозяину стоило невероятных усилий дотащить этого здоровяка обратно в номер.

Вэй Чуцзюнь, чувствуя вину за устроенный переполох, извинился: Хозяин, прошу прощения.

Мой друг, когда болеет, ведет себя как ребенок. Не принимайте близко к сердцу.

Хозяин махнул рукой: Ладно-ладно, ничего страшного. Заботься о нем, только больше проблем не создавай.

Вэй Чуцзюнь закивал, проводил хозяина взглядом, а затем посмотрел на Цзян Ци, который развалился на кровати во всю длину, и почувствовал головную боль.

Да что же это такое?!

Даже в бесспамятстве Цзян Ци не находил покоя: что-то бормотал, а его руки двигались так, будто работали моторы.

Вэй Чуцзюнь мысленно выругался: спит, а руками машет, будто боксер.

Он попытался прижать руки Цзян Ци к бокам, но тот оказался сильнее, намертво вцепился в его правую руку и, словно большая собака, ищущая защиты, не отпускал.

Вэй Чуцзюнь на мгновение помрачнел, но быстро пришел в себя.

Ты не ушел... — продолжал твердить Цзян Ци. Вэй Чуцзюнь не понимал причин, но решил его утешить.

Ушел? Никуда я не ушел, я просто ходил за лекарствами.

Ты не ушел... — Цзян Ци повторял одно и то же. У Вэй Чуцзюня не было других слов.

Куда бы я ушел? — Вэй Чуцзюнь знал, что это подло, но не мог удержаться от того, чтобы не выведать правду.

Он хотел понять, зачем Цзян Ци все эти дни так старательно ухаживал за ним. Вряд ли это было бескорыстно.

Вэй Чуцзюнь довел свою паранойю до абсолюта.

Я ушел?

Ты лжец! — Цзян Ци, до этого мирно державший его за руку, внезапно взревел так, что Вэй Чуцзюнь вздрогнул. — Ты обещал не уходить! Лжец! Ты...

Я лжец? — Вэй Чуцзюнь был в растерянности. За одну минуту он успел повысить свой статус?

Да, ты обманываешь. — Голос Цзян Ци был хриплым, с сильным носовым оттенком, он походил на послушного пса.

Я не лжец, я такого не делал.

Делал! — Цзян Ци, будучи в жару, не забывал пререкаться.

Я никогда никого не обманывал.

Ты обманул меня. — Цзян Ци уже не звучал так агрессивно. — Ты обещал меня не бросать, а сам оставил меня одного в больнице, лжец.

Я не бросал тебя в больнице! Я никуда тебя не бросал! — Вэй Чуцзюнь был в полном замешательстве.

Неужели первая любовь бросила его в больнице, когда он болел, и просто ушла? И теперь, в бреду, он принимает меня за ту девушку?

Это пугало.

Похоже, он стал жертвой обманщицы. Как сильно он должен был её любить?

Если такой замечательный человек попал в ловушку лгуньи, что это значит? Только то, что он слеп в любви и не умеет разбираться в людях.

Папа, — внезапно пробормотал Цзян Ци.

У Вэй Чуцзюня в голове всё смешалось. Теперь я стал его папой?

Неужели он даже отцу жаловался на это? Тяжело, должно быть, его отцу — выслушивать жалобы такого... глупого сына.

Папа! Ты такой жестокий!

Это уже ни в какие ворота не лезет. Он что, принял меня за своего отца?

Мы же договорились быть братьями! Я уже почти поверил, а ты говоришь, что я — твой папа.

Это не слишком страшно?

Значит, это история о человеке с разбитым сердцем, которого не любили ни мама, ни папа?

И самое главное — он принял меня за своего отца?!

Впервые в жизни став «папой», Вэй Чуцзюнь не мог не почувствовать, как его эмоции ходят ходуном.

<http://bllate.org/book/21927/2278158>